

УДК 378.4

Меркулова А.М.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА В 1930-х гг.

A. Merkulova

Lomonosov Moscow State University

WAYS OF OVERCOMING UNIVERSITY EDUCATION CRISIS AT THE LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY IN 1930s

Аннотация. В статье исследуется процесс реформирования высшего и послевузовского профессионального образования в СССР в 1930-х гг. На примере Московского университета автор выделяет признаки кризиса системы университетского образования в исследуемый период. Особое внимание уделено инструментам преодоления кризисных явлений в МГУ. С одной стороны, анализируются мероприятия, проведенные руководством университета с целью стабилизации учебно-научной обстановки. С другой, рассматриваются ключевые аспекты государственной образовательной политики, способствовавшие развитию Московского университета и формированию советской модели системы университетского образования.

Ключевые слова: МГУ им. М.В. Ломоносова, реформа образования, университетское образование.

Abstract. The article investigates the process of reforming higher education and postgraduate courses in the USSR in 1930s. The author determines signs of a university education crisis during the investigated period by example of the MSU. Special attention has been paid to the means of overcoming the crisis in the MSU. On the one hand the paper analyzes the measures taken by the university administration to provide stabilization of educational and scientific conditions. On the other hand it considers the key aspects of the state educational policy that promoted the development of the Moscow State University and contributed to the formation of the Soviet model of university education system.

Key words: Lomonosov Moscow State University, education reform, university education.

В течение последнего десятилетия образовательная реформа в России достигла той стадии, когда она перестала быть кулуарным элементом государственной политики и перешла на уровень практической реализации в общенациональном масштабе, привлекая внимание все большего числа людей. Сегодня трудно найти иную сферу, модернизация которой вызвала бы настолько большой общественный резонанс на протяжении такого длительного времени. Нельзя отрицать и тот факт, что в наибольшей степени данная реформа коснулась высшей школы. Поиски пути оптимального построения системы высшего и послевузовского профессионального образования до сих пор не завершены.

Проекты модернизации высших учебных заведений, законы об автономии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (МГУ) и Санкт-Петербургского государственного университета, о федеральных и инновационных университетах являются частью государственной политики по интеграции в международное образовательное сообщество. В тоже время, какая бы цель не стояла перед государством, успешное проведение

© Меркулова А.М., 2011.

Публикуется в рамках НК-416П ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы по теме «Механизмы самосохранения и развития социума в кризисных условиях: опыт российской истории».

в жизнь такой сложной социальной технологии, как создание новых институциональных форм учебных заведений, невозможно без предварительной проработки научным сообществом и ведущими вузами страны концепций их функционирования.

Московский университет – одно из немногих учебных заведений, на чьем примере можно исследовать механизмы сохранения структурных элементов системы образования в критических условиях. Одним из кризисных этапов в истории МГУ стали 30-е гг. XX в., когда руководство советского государства поставило вопрос о целесообразности существования такого элемента высшей школы, как университет.

Процесс пролетаризации университетов, начавшийся после Октябрьской революции, привел к кризису университетского образования, который в полной мере проявился к началу 1930-х гг. как следствие активной реформаторской деятельности советской власти в первые годы ее становления. В истории МГУ можно выделить несколько тенденций, свидетельствующих об упадке университетской системы образования в исследуемый период:

1. *Снижение уровня образованности студентов.* Начиная с 1920-х гг. в СССР проводилась образовательная политика, в основе которой лежал тезис о необходимости демократизации и пролетаризации высшей школы. На практике данная норма означала, что крестьянская и рабочая молодежь получила привилегированное право на поступление в высшие учебные заведения. Недостаток начального образования данная категория абитуриентов должна была компенсировать на рабочих факультетах, созданных при вузах. Объем требований, предъявляемый к знаниям поступающих, сводился к умению бегло читать, писать и знать четыре правила арифметики. Таким образом, университеты заполнили малограмотные студенты. К 1930 г. положение стало катастрофическим, потому что контингент абитуриентов состоял в основном из граждан, проходивших обучение в период создания единой трудовой

школы. К тому же весной 1930 г. был введен «активный бригадно-лабораторный метод занятий», который практически вытеснил лекционные курсы, читаемые крупными учеными. Вступительные лекции сменили чтение общих и специальных курсов, а экзамены и зачеты – коллективным отчетом бригад о «проработке» ими учебных заданий [2, 350]. Наблюдалось смещение в сторону практической подготовки студентов. Нововведенная форма организации учебного процесса способствовала в дальнейшем сокращению знаний студентов. Показательным примером безграмотности будущих советских специалистов 30-х гг. стала проверка уровня образованности студентов Московского университета, проведенная ректором А.С. Бутягиным в 1936 г.¹ Из 4100 студентов проверочный диктант по русскому языку писали 3576 человек, из которых 45 % испытуемых получили отметку «плохо» и «очень плохо». Политика СНК СССР по отношению к Московскому университету привела к тому, что такие важнейшие принципы университетского образования как универсальность и теоретическая подготовка были необязательны для нового советского специалиста.

2. *Недостаток квалифицированных специалистов в научно-преподавательском коллективе.* Вопрос отсутствия научных и педагогических кадров решался в СССР до окончания Великой Отечественной войны. Это было вызвано несколькими причинами. Во-первых, критическое отношение интеллигенции к событиям 1917 г. и, как следствие, увеличение числа эмигрантов и репрессированных, привело к количественному сокращению штата. Во-вторых, реформа системы образования и отсутствие необходимой численности профессорско-преподавательского состава замедляли естественный процесс «взращивания» новых кадров, лояльных советскому политическому режиму. Особо остро проблема низкой численности научной интеллигенции в Московском университете проявилась к 1930 г. Из постановления вуз-

¹ Центральный архив города Москвы (ЦАГМ). Ф. 1609. Оп. 2. Д. 81. Л. 13.

бюро ВКП(б) от 1 сентября 1930 г.: «университет страшно отстал в выполнении решений партии и правительства по вопросу о кадрах ... Качественный состав аппарата неудовлетворителен. Система управления крайне сложна и запутана, отсутствует четкое разделение труда и ответственность за качество и результаты проводимой работы» [2, 342].

3. *Кризис университетской структуры.* Многочисленные процессы реорганизации университета, изменение порядка формирования кафедральных и факультетских структур, реализация на практике принципов единоначалия привели к тому, что к началу 1930 г. руководством страны был поднят вопрос о целесообразности функционирования такого элемента системы высшего образования, как университет. В Московском университете была ликвидирована факультетско-кафедральная структура [2, 347]. Вместо факультетов были открыты отделения, на которых были упразднены все специальные кафедры, кроме общеуниверситетских, по социально-экономическим дисциплинам и педагогике. Вместо них созданы громоздкие специальности по отраслям наук. Из восьми созданных отделений только одно обладало гуманитарным профилем. Ситуация в МГУ усложнилась после принятия постановления, согласно которому все высшие учебные заведения были переданы в ведение отраслевых хозяйственных объединений и соответствующих народных комиссариатов¹. Это ознаменовало широкомасштабную кампанию по реорганизации и ликвидации университета, которую возглавил ректор И.Д. Удальцов². За 1929/1930 учебный год из состава Московского университета были выделены физико-математический, медицинский и химический факультеты и переданы в ведение соответствующих наркоматов. В 1931 г. факультеты истории, литературы и искусства были преобразованы в Институт философии литературы и искусства (МИФЛИ)³, факуль-

тет советского права стал базой для создания Института советского права и Института советского строительства⁴. Таким образом, к 1932 г. в составе Московского университета остались семь отделений естественнонаучного профиля. При этом такие важнейшие принципы университетского образования, как универсальность и теоретическая подготовка были полностью утрачены, а МГУ больше не являлся многоцелевым учебным заведением.

Причины кризиса университетской системы вполне понятны. Во-первых, политика пролетаризации. Призванная облегчить доступ к высшему образованию широким народным массам, она не учитывала способность данных людей воспользоваться вновь открывшимися возможностями в правовом русле. Реализация многочисленных мер по устранению элитарности высшего образования привела к тому, что к 1940 г. наличие диплома об окончании высшего учебного заведения еще не свидетельствовало о присутствии навыков специалиста. Во-вторых, в 20-е гг. только начался процесс построения системы федеральных органов управления. Поиск оптимальной структуры управления народным образованием негативно сказывался на функционировании высших учебных заведений и ходе всей реформы образования. Третьей причиной, зачастую, была внутренняя политика руководителей учебных заведений. В частности ректор МГУ И.Д. Удальцов, возглавлявший университет до 1930 г., в стремлении поддержать государственные мероприятия фактически провозгласил атавизмом университетскую форму преподавания, в связи с чем был инициирован раздел МГУ на НИИ и институты.

Для преодоления сложившейся ситуации и решения первостепенных проблем руководство МГУ было вынуждено в 1930-х гг. кардинально изменить внутреннюю административную политику и более интенсивно искать пути выхода из сложившегося кризиса. Ввиду сложившейся к тому моменту внутренней ситуации в стране и особен-

¹ Постановление ЦИК и СНК СССР № 38 от 18.08.1930 г. «О реорганизации высших учебных заведений, техникумов и рабочих факультетов» [2, 330-333].

² ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 1448. Л. 21.

³ Архив МГУ. Ф.1. Оп. МГУ. Д. 8. Л. 73, 74.

⁴ Архив МГУ. Ф. 1. Оп. МГУ. Д. 6. Л. 116.

ностей национальной политики, количество инструментов управления в арсенале руководителей высших учебных заведений было достаточно ограниченным. Взаимодействие ректората МГУ с вышестоящими органами власти строилось по принципам строгой иерархии. Возможность для критики государственной образовательной политики или возражения деструктивным решениям, принятым на уровне правительства, полностью отсутствовала. Прямая критика образовательных реформ положительных результатов, как правило, не имела. Так, при внедрении бригадно-лабораторного метода профессора и преподаватели МГУ, выступая перед студентами в октябре 1929 г., пытались доказать его низкую эффективность, но, кроме общественной критики в свой адрес, ничего не добились [4, 2].

Тактика внутреннего администрирования, посредством которой удалось восстановить Московский университет, проводилась за счет следующих мероприятий:

- установление коммуникативной связи с руководством страны;
- взаимодействие с вузами, НИИ и АН СССР по обмену научными кадрами;
- модернизация планов специальностей и активная научная деятельность;
- постоянный контроль внутренней ситуации: проведение проверок научно-педагогического коллектива, дополнительная аттестация студентов и т. д.

Одним из вариантов «противостояния» непродуктивным реформам были письма представителей ученого сообщества. Например, ректор Московского университета В.Н. Касаткин, сменивший на этом посту И.Д. Удальцова в 1930 г., неоднократно обращался в союзные органы образования и лично к наркому просвещения А.С. Бубнову с целью восстановления прежнего статуса Московского университета¹. Обозначая в своих письмах особое значение университетского образования для специалистов советского государства, ему, в итоге, удалось добиться первых по-

зитивных результатов. К моменту назначения на пост ректора МГУ А.С. Бутягина в 1934 г., в университете были преодолены проблемы структурного построения. Три года непрерывных преобразований в конечном счете завершились обретением той университетской структуры, которая в своей основе сохранилась до настоящего времени. Во-первых, была восстановлена классическая факультетско-кафедральная система. Во-вторых, завершилось образование ядра естественного сектора университета в составе механико-математического, физического, биологического, химического и биолого-почвенного факультетов. В-третьих, началось восстановление гуманитарного сектора с создания в 1934 г. исторического факультета [2, 341].

Ситуация с кадровым вопросом вплоть до 1936 г. была практически неизменной. Единственным способом увеличить количественно-качественные характеристики профессорско-преподавательского состава в Московском университете было привлечение ученых извне, в частности из АН СССР. Как следует из Постановления НКП СНК СССР от 17 июля 1932 г. «Об итогах реорганизации университетов», новые реорганизованные университеты должны были подготавливать научно-исследовательских работников высшей квалификации и преподавателей высшей школы. На практике, в условиях, имевшихся на тот период времени научных планов, это было сделать невозможно.

Для поддержания необходимого уровня образования студентов руководство МГУ было вынуждено вводить дополнительные меры, не установленные законодательством. Методики контроля за уровнем знаний студентов и абитуриентов и дополнения к образовательным программам в Московском университете стали появляться при ректоре А.С. Бутягине. Вариантов подобных мероприятий было несколько. Во-первых, в уже имеющиеся программы подготовки специалистов добавлялись новые предметы или увеличивали число часов уже имеющихся. Например, дирекция МГУ в сентябре 1933 г. ввела обязательные занятия по русскому

¹ Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 10. Д. 1. Л. 17. ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 1506. Л. 34. Д. 1520, Л. 11.

языку с целью ликвидации неудовлетворительного состояния грамотности. Были сформированы 25 групп общей численностью более 500 человек из студентов III и IV курсов [2, 364]. Во-вторых, несмотря на введение бригадно-лабораторного метода обучения, в университете была принята практика чтения цикла публичных лекций для студентов. В-третьих, в МГУ создавались новые научно-исследовательские институты естественнонаучного профиля, которые являлись центрами концентрации молодых ученых. К 1935 г. более трехсот аспирантов из десяти НИИ Московского университета работали над 485 научными темами [2, 378]. В этот период руководством МГУ был сформулирован тезис о единстве образования и науки. Результаты подготовки специалистов и научных работников, которых удалось добиться Московскому университету, передавались в Народный комиссариат просвещения (НКП) с целью законодательного закрепления методик организации работы в высшей школе.

Однако, несмотря на внешнее сохранение университета как элемента высшей школы, его функция была искажена. Полностью решить задачи повышения уровня образованности студентов и создания единых образовательных программ администрации МГУ без содействия государственной власти не удалось. В 1933 г. по докладу МГУ выходит Постановление СНК СССР №34 [5, 349], в котором были указаны основные проблемы советской университетской системы. Согласно документу, для дальнейшего развития системы университетского образования НКП РСФСР должен был провести следующие мероприятия:

- закончить реорганизацию управления университетами по факультетскому признаку;
- обеспечить университеты к началу 1933/34 учебного года стабильными учебными планами, исходя из пятилетнего срока обучения и начала специализации с третьего курса;
- к началу 1933/34 учебного года закрепить за университетами наиболее квали-

фицированных профессоров по ведущим дисциплинам, с установлением для них персональных ставок.

Помимо этого АН СССР и Коммунистическая академия были обязаны пересмотреть программы МГУ по ведущим дисциплинам с тем, чтобы сделать из них образец для других университетов. Работа по развертыванию НИИ по естественным и физико-математическим наукам в составе МГУ также была признана приоритетным направлением. Для реализации запланированных мероприятий Госплану РСФСР было поручено предусмотреть во второй пятилетке такой объем капитальных вложений в строительство и оборудование Московского университета, который обеспечил бы необходимые условия для его дальнейшего роста и укрепления

Руководство страны с середины 30-х гг. изменяет направления образовательной политики. Новый этап реорганизации высшей школы начался с реформы органов управления высшим образованием. В 1936 г. был образован Всесоюзный комитет по делам высшей школы (ВКВШ). В его задачи входило рассмотрение планов развития высшей школы в СССР: установление количества и типов учебных заведений, контингента учащихся, утверждение учебных планов и программ, присвоения ученых степеней и званий. В ведение ВКВШ было передано девятнадцать вузов, в том числе и МГУ. После создания данного госоргана правительство СССР с учетом мнения научного сообщества принимает ряд документов, призванных упорядочить деятельность учреждений системы высшего профессионального образования.

Наиболее важными для развития университетов стало Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 34 от 21.07.1936 г¹. С него началось формирование новой системы высшей школы. В данном документе были прописаны основные положения работы высших учебных заведений и оформлена новая кон-

¹ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 34, 21 июля 1936 г. «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школы» [5, 427-433].

цепция высшего образования. Принятие этого нормативного акта было мотивировано желанием руководства страны сохранить отечественную научную школу и сориентировать ее работу на задачи экономического развития. На основе опыта Московского университета для всех вузов СССР в Постановлении устанавливались:

– правила приема в высшие учебные заведения (прописаны порядок приема, его конкурсная основа, сроки поступления, необходимое документальное обеспечение процесса приема и перевода в высшее учебное заведение);

– организация учебного процесса (сроки начала и окончания занятий, количество учебных часов, продолжительность академического часа и т. д.);

– формы учебной работы и контроля (проведение лекций и семинарских занятий, сдача экзаменов, прохождение практики, защита дипломных работ);

– регламентация деятельности руководства высшей школы (права и обязанности, порядок назначения и снятия с должности).

Все это позволило систематизировать и привести к единым стандартам высшее образование в СССР. Еще одним шагом к построению классической советской модели системы образования стало принятие в 1939 г. «Положения об аспирантуре» [1, 244-247]. В этом нормативно-правовом акте подробно прописывались следующие аспекты: порядок зачисления в аспирантуру; учебная подготовка аспирантов, права и обязанности аспирантов. Данное положение имело значительные отличия от ранее принятого Постановления СНК СССР «О подготовке научных и научно-педагогических работников» [1, 236-239], регулировавшего вопросы аспирантуры. В новом положении были оговорены конкретные требования к кандидату в аспиранты, установлен общий порядок проведения приемных испытаний, сроки обучения и методика проведения защиты аспиранта. Этот документ являлся своеобразным государственным стандартом присуждения степени кандидата наук. Кроме того, в том

же году было опубликовано Постановление правительства «О заочной аспирантуре» [1, 247-251]. Несмотря на то, что как институт системы образования аспирантура в СССР начала функционировать с 1925 г., полноценным элементом данной системы, в том виде, в котором она присутствует до сих пор, аспирантура стала только после изменения законодательства в 1939 г. Регламентировав порядок обучения в аспирантуре, государство предоставило вузам возможность подготавливать собственные научно-педагогические кадры на высоком уровне и по единым нормам.

Для МГУ заключительным этапом университетской реформы стало принятие Устава 1939 г. В октябре 1938 г. Совет МГУ рассмотрел вопрос «Об уставе Московского университета» и образовал Комиссию по разработке Устава, в которой представлены руководство МГУ, деканы, руководители партийных и общественных организаций, профессора и сотрудники: Н.М. Кулагин, С.Н. Блажко, А.Н. Колмогоров, Б.С. Матвеев, Н.А. Капцов, А.И. Кудрявцев, И.Д. Удадьцов, А.Н. Мазарович, И.А. Витвер, А.А. Ярилов. В обсуждении проекта устава на партийных собраниях, ученых советах и заседаниях кафедр активное участие принимал весь коллектив университета.

Устав Московского университета был утвержден приказом Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР № 4/434 15 августа 1939 г. [5, 367-402]. Устав сочетал традиции университета, опыт, накопленный университетом в советское время, с теми новыми задачами, которые были выдвинуты перед высшей школой ВКП(б) и Советским правительством.

Устав определял роль кафедры, которая является основной учебной и научной организацией, непосредственно осуществляющей учебно-методическую и научно-исследовательскую работу. В нем вводился новый статус факультета как учебно-научного и административного учреждения, объединяющего кафедры и научные институты, осуществляющего подготовку студентов и

аспирантов по нескольким родственным специальностям. Устав предусматривал создание Ученого Совета МГУ при ректоре и под его председательством [5, 60].

К моменту принятия устава Московский университет включал в себя семь факультетов: механико-математический, физический, химический, биологический, геолого-почвенный, географический, исторический. Помимо этого в его состав входили десять научно-исследовательских институтов, семь общеуниверситетских кафедр, четыре музея, ботанический сад, биостанция в Звенигороде и на Белом море, научная библиотека им. Горького, издательство, типография и другие учреждения и предприятия.

Таким образом, к завершению 30-х гг. государство окончательно определилось с формой и содержанием профессионального и послевузовского образования и признало университет неотъемлемым элементом высшей школы. Московский университет – это одно из немногих учебных заведений, которому в период реформы образования в 20-х – 30-х гг. XX в., удалось не только сохранить собственную научно-образовательную базу, но и доказать советской номенклатуре, что университет – это учебное заведение, которое готовит наиболее квалифицированных специалистов за счет сосредоточения образовательных программ по всем отраслям науки.

Кризис системы профессионального образования, возникший вследствие непродуманной образовательной политики, был преодолен только благодаря консолидации усилий госаппарата и научного сообщества, среди представителей которого видное мес-

то занимали руководители и ученые Московского университета. События 1930-х гг. отчетливо показывают, что систему высшей школы нельзя реформировать посредством издания нормативно-правовых актов, не учитывающих специфику отечественного образования и его опыт. Безусловно, сегодня инструменты управления учебным заведением намного шире, чем семьдесят лет назад, а властные структуры более открыты для диалога. Однако в обстановке отсутствия эффективной методики взаимодействия чиновников с представителями научного сообщества поиск оптимальных путей развития высшего и послевузовского образования может превратиться в деструктивный процесс, разрушающий те немногочисленные элементы отечественной системы просвещения, которым удалось доказать свою жизнеспособность в современных условиях.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Директивы ВКП(б) и Постановления Советского Правительства о народном образовании. Сборник документов за 1917-1947 гг.: Приложение к журналу «Советская педагогика». Вып. 2 / Сост. канд. пед. наук Н. И. Болдырев. М.-Л.: Изд-во АПН РСФСР, 1947. 304 с.
2. Летопись Московского университета. В 3-х томах. Том I: 1755-1952 / Автор-составитель Е.В. Ильченко. М.: Изд-во МГУ, 2004. 624 с.
3. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917-1973 гг. Составители: А.А. Абакумов, Н.П. Кузин, Ф.И. Пузырев, Л.Ф. Литвинов. М.: Педагогика, 1974. 560 с.
4. Первый университет, 21 ноября 1929 г.
5. Уставы Московского университета 1755-2005: [сборник] / [авт.-сост. Гена Евгений Иванович]. М.: Империиум Пресс, 2005. 408 с.